

8497
Б87.

Алексей
Брагин

ПОВЕСТИ
О
ТРЕХ ГОРОДАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАСЫМА

В юности, в молодые годы детство вспоминается редко. Человека в это время обступают новые впечатления, и он чаще стремится заглядывать в будущее, чем в прошлое. И если он рано, еще в мальчишеском возрасте, покинул родные края, то и родные края удаляются от него, реже и реже возникая в воображении, и только спустя долгие сроки увидятся с необыкновенной отчетливостью и станут притягивать снова.

Когда Касым Аманжолов уезжал на фронт, и воинский эшелон пересекал Уральскую пойму, он вспомнил не детство, а юность, вспомнил довоенную жизнь в Уральске и готов был признать, и признал родными и славную реку, и город на ее берегу. Тогда, в вагоне, он написал стихи об Урале, и читателю могло показаться, что эта река — Жаик по-казахски, Яик пугачевских времен — была рекою его детства.

А он родился и рос далеко от Урала.

Первая речушка Кызыл представлялась мальчугану рекой без конца и начала. Он так и прозвал ее — Длинная. Их небольшой аул не имел имени и просто числился восьмым в Темиршинской волости. Мысленно Касым называл аул Каменным, потому что он прилепился к угрюмым скалам. К скалам подступала степь, а невдалеке темнели горные леса.

Первый город, увиденный им в детстве, был Каркаралинск — уездный город — так он услышал однажды. «Очень большой

город»,— подумал он сам. Когда он ходил через лес в другой аул, в школу, то мечтал, что будет учиться в Каркаралах. Надо только немного подрасти. Мечта не состоялась.

В детстве было много радостей, но еще больше горя. Воспоминания о детских радостях и большом горе пришли позже.

На фронт Касым попал человеком уже пишущим стихи. С войны вернулся поэтом. На великой войне он узнал, что такое подвиг и что такое утраты. На фронте он написал одну из своих лучших поэм — героическую поэму «Сказание о гибели поэта».

У «Сказания» два русских переводных варианта — один принадлежит Марку Тарловскому, другой — Борису Слуцкому. Любопытно, что оба поэта сохранили в своих переводах ямб лермонтовского «Мцыри», усеченный ямб с мужскими рифмами. Только Тарловский рифмовал перекрестно и попарно, а Слуцкий преимущественно по схеме «ааба». Дело, в конце концов, не в этих частных расхождениях, а в общем ритмическом рисунке — Лермонтов действительно был любимым поэтом Касыма.

Касым, как можно уверенно предположить, хорошо знал Абдуллу Жумагалиева, которому посвящена поэма. Знал как талантливого поэта — они были почти ровесниками. Но ему не довелось быть свидетелем фронтового подвига Абдуллы. В краткой биографической справке о подвиге сказано так: «Выполняя приказ командования, он остался в селении, прикрывая огнем автомата отступление своих товарищей. Наседавшие гитлеровцы окружили дом, где оборонялся боец, но живым взять его не смогли. Озверевшие, озлобленные отчаянным упорством советского солдата, они подожгли дом. Абдулла Жумагалиев заживо сгорел, но не сдался». В поэме — недаром она в новом переводе названа «Сказанием» — суть подвига осталась, но обстоятельства Касым изменил. Не в селении, не в доме погибает джигит, а в лесу. Он — один, совершенно один, рядом нет жилья, нет разрушенного очага. Он отстаивает Родину в полном одиночестве. Но в полном ли? С ним заодно — темный бор, старая сосна, с ним заодно — птицы.

**И пусть кольцом я вашим сжат,—
Не вам, а мне принадлежат
Вот эти чаши, что шуршат
Шатрами хвои и листья,**

**Моей касаясь головы!
О милость матери земли!
Дай мне могучие слова!
Вложи мне в грудь раскаты льва
И сердцем тигра надели.**

(Перевод М. Тарловского)

Поэт последней гранатой поджигает танк, гитлеровский экипаж гибнет, но враги не успокаиваются и пускают в дело огне-

меты. Поэт в пламен, в дыму. Поэт слагает прощальную песню. И тут возникает образ, достойный богатырского народного эпоса.

**Рассказ печальный на крылах
Пичуги вынесли одни,
А враг ступал на головни,
Чтоб осквернить хотя бы прах.**

И дальше звучит реквием герою, реквием уже на родной земле, в далеком от фронта Казахстане.

Можно задать вопрос: почему поэт перенес действие поэмы в лес? Думается так,— он вспомнил детство. В детстве Касым научился понимать лес,— в Кентском лесничестве какое-то время работал его старший брат Рахимжан. Касым наведывался к нему, с мальчиком перекликались пичуги, чаща шуршала шатрами хвои, с ним дружил ручей, с ним в ущелье Аулие-тас, в ущелье Святого камня, дружило дерево, увешанное ленточками, тряпицами, просверленными монетами, нанизанными на нитки. В причудливых очертаниях скал он угадывал и справедливого батыра в шлеме и сердитого волшебника. Должно быть, батыр приготовился к бою. Лес внушал мальчику мысли о добре и зле.

Работая над поэмой под недалний грохот разрывов, Касым так ясно увидел каркаралинский лес и понял, что природа на стороне героя. Детские чувства, спрятанные в глубинах души, ожили вновь с многократной силой. Называя речку Длинной и аул Каменным, безотчетно восхищаясь лесом, он, мальчик, еще не знал, что в нем вызревает любовь к поэзии, к природе...

После войны, вернувшись в Алма-Ату, Касым сразу оказался в числе лучших поэтов Казахстана.

Быт у него не ладился, скитался он по частным квартирам, как, впрочем, и в довоенное время, а вот стихи ладилась. И боевые, и гражданские, и лирические, и шуточные. Но какие бы ни были по жанру — всегда искренние. Скорбные и мужественные строфы о смерти Ленина. Песня «Мы казахи юные», остроумный диалог шахтера и поэта, нежные стихи о любимой...

В мае 1949 года проходила в Москве декада литературы Казахстана. Она была не столь представительной, как известная декада литературы и искусства в мае 1936 года, но столь же важной для поэтов и прозаиков республики. Это был отчет перед литературной общественностью Москвы, перед столичными читателями. Отчет о сделанном за годы войны и первые годы мира. Тоненькая книжка стихов Касыма Аманжолова, переведенных на русский язык, не осталась незамеченной. Как и сам поэт — невысокий, коренастый, с улыбкой то смущенной, то чуть лукавой, но неизменно доброжелательной. И только однажды он растерялся. Растерялся, когда Николай Семенович Тихонов назвал его поэму о гибели поэта жемчужиной казахской поэзии. Растерялся

и возрадовался. Возрадовался и вдруг почувствовал, что набегают слезы. Застенчиво смахнул их и принимал поздравления друзей.

И, быть может, не в тот самый вечер, когда Тихонов произнес взволновавшие его слова, а на следующий, оставшись в номере гостиницы наедине со своими мыслями, распахнул окно в светящуюся шумную Москву и вдруг неожиданно вспомнил ребяческую мечту непременно учиться в очень большом городе Каркаралинске.

Каркаралинск... Одна за другой возникали картины. То ли виденные самим, то ли знакомые по рассказам старших. В Каркаралинск съезжались акыны на соревнования — айтысы. Каркаралинск — это и ярмарка в Куяндах, которую он так и не повидал. А ведь не было в том краю певца, кто не пел бы на ярмарке под домбру. И Таттимбет, и Габбас, и Амре.

Если есть у него песенный дар, то кому он обязан этим даром? Матери и бабушке, они ему рассказывали первые сказки, напевали первые песни. Родному аулу, речушке Длинной, ущелью Аулие-тас, Каркаралам. Как ты живешь, мама? Состарилась, наверно. Давно я тебя не видел, давно. По чьей вине получилось так, что при живой матери я рос сиротой. Не по твоей вине, не по твоей.

После краткой грозы, а грозы часто и внезапно собирались в тот май над Москвой, такая свежесть вливалась в окно, что не чувствовалось никакого бензина. Скорее пахло лесом и степью. Или так показалось Касыму?

В московский вечер, в московскую послегрозовую ночь он ощутил, как никогда раньше, свою привязанность к матери, аулу, Каркаралам.

С той поры эти чувства отчетливее проступали и в стихах и в настойчивом желании побывать в родных краях.

«Песня о счастье». Есть в стихах степь, но есть и лесная тишина, есть мать, рассказывающая сыну сказки. Лес, степь, горы, милая мать... Детство поэта вспыхнуло в его памяти солнечным лучом, пронзившим сосновую чащу.

В других стихах о детстве — всего двенадцать строк — он вспоминает кости, белые бараньи косточки, где-то запрятанные, закопанные во время игры в землю.

Он говорит о Сарыарке, а Каркаралинск едва ли не центр безбрежной этой степи, как о золотой колыбели. И расширяет:

**Я помню в детстве (пусть оно сиротством было мне
И волочилось по земле в дырявом чапане)
Сарыарка дарила мне то облачко мечты,
Что проплывало надо мной в густой голубизне.**

(Перевод Дм. Снегина)

И в гражданских весомых стихах о Казахстане, где не без помощи сказочных фольклорных образов дается панорамный портрет республики, конечно же, есть «Тучная земля Каркаралы». Нет, Касым не стал Касымом не помнящим родства.

Касыму еще до войны нравились стихи Лермонтова. Теперь он просто не расставался с ними. И говорил друзьям:

— Вот написать бы одно такое стихотворение, как «Дары Терека» или «Сон». Больше уже ничего не надо писать. Как он чувствовал Кавказ! А знаете, у Лермонтова Кавказ часто похож на Казахстан.

И в доказательство листал том Лермонтова и находил то, что искал. Строки из Восточной повести «Измаил-бей»:

Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Стопилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немym вниманием стоят.
На сером камне, безоружен
Сидит неведомый пришелец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

И дальше идет черкесская песня о джигите и коне.

— Без злата он, но не без хлеба... Народ всегда прокормит своего певца. Странствующие певцы, пешие акыны. Сколько их было у нас!

Касым страстно пропагандировал Лермонтова как его переводчик и просто любил его читать.

Однажды он наткнулся на строки в поэме «Сашка»:

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили...

Лермонтов был малым ребенком, когда умерла мать. Сложные и горькие отношения были у него с отцом. В стихах, обращенных к старшему брату, Касым писал:

Я возвращался в дом. И у дверей
Увидел близких и чужих людей.
А на полу с недвижимым лицом
Лежал отец, накрытый полотном.

Больше, чем Лермонтовым, эти строки навеяны собственной памятью. Лермонтов помог Аманжолу возвратиться в дни аульского детства.

Мать Касыма Айганша овдовела совсем молодой — ей было года двадцать четыре, не больше. Не то что семью прокормить, сама она прокормиться не могла, она вышла замуж — и уж как там случилось — и время было трудное и обычаи жестокими, но Касым в детстве остался не только без отца, но и без матери. Годом-двумя позднее его взял к себе в Семипалатинск старший брат Рахимжан. А мать Айганшу, сильно постаревшую и снова бесконечно одинокую, Касым разыскал и взял к себе в Алма-Ату, в свою новую квартиру на улице Виноградова. И относился к матери заботливо и нежно до конца своих дней.

В рассказах матери оживало урочище Ак-Кара с их аулом, оживал Каркаралинск. Касым совсем было собрался поехать на родину, но кашель становится глубже и тяжелей. Не пустила болезнь, не пустили врачи.

В 1954 году Касым получил путевку в Боровое, в Щучинский санаторий. Степь и горы Кокчетау, озера в сосновой кромке, причудливой формы скалы, угрюмые замшелые валуны пронзительно напомнили детство. А тут рядом оказался начинающий каркаралинский журналист Заманбай Игликов. И хотя Касым совсем не был стар и Заманбай уже выходил из юношеского возраста, у них в эти краткие дни установились нежные отношения асакала и джигита. С предупредительной сыновней почтительностью Заманбай стремился выполнить любое желание Касыма, и Касым, принимая как должное заботы молодого журналиста, читая ему стихи, рассказывал о своем детстве, давал советы.

— Когда же вы, агай, приедете к нам,— допытывался Игликов.

— На будущий год летом обязательно приеду!

Касым не выполнил обещания. В январе 1955 года его уже не было в живых...

После смерти поэта прошло четверть века. Заманбай Игликов стал редактором районной газеты. Один из тех немногих каркаралинцев, кто встречался с Касымом Аманжоловым, он был и одним из тех многих, кто достойно позаботился о жизни его стихов в родном краю.

В библиотеках, и взрослой и детской, стенды с портретами поэта и книгами. Касым своими сборниками присутствует и в районном музее.

Повсюду читают стихи Касыма Аманжолова, поют его песни.

Урочище Ак-Кара, где родился поэт, входит сейчас в угодия совхоза имени Фрунзе, Талдинского района. От аула нет и следа. Только скалы остались прежними. Время разрушает зимовки

быстрее, чем скалы. Медленно течет речушка, которая — так казалось маленькому Касыму — не имеет ни начала, ни конца. В самом деле, длинная извилистая речушка. Горы, поросшие лесом, выглядят совсем близкими. Не так уж далеко отсюда находился центральный поселок совхоза имени Фрунзе.

Крупный совхоз. Иначе его еще называют совхозом двенадцати героев. Среди героев, отмеченных Золотой Звездой, бригады табунного коневодства, просто табунщики, чабаны.

В совхозе гордятся не только своими героями, но и художественной самодеятельностью. В некоторое нарушение общепринятых правил кружками художественной самодеятельности руководят управляющие фермами. Об этом мне рассказывал зоотехник Раззак Алин:

— Управляющие у нас молодые, любят песни. И особенно любят песни на слова Касыма Аманжолова. Ведь он наш, он и родился в совхозе имени Фрунзе.

Я не поправил Раззака. Ну, что из того, в самом деле, что в 1911 году не было совхоза имени Фрунзе, как не было вообще в этом краю благоустроенных поселков, кроме единственного города Каркаралинска.

— Наш, фрунзенский!

— И если зайти в среднюю школу в центральном совхозном поселке и в восьмилетние школы, находящиеся на фермах, и даже в начальные школы — везде вам скажут:

— Наш!

И не только скажут, но и покажут хранящиеся бережно и тем не менее основательно зачитанные книги Касыма Аманжолова.

Поэт возвратился не только в музей, не только в библиотеки. Не только табличкой «Улица Касыма Аманжолова» в Каркаралинске. Он возвратился к людям своими книгами, своей поэзией и заново овладел сердцами земляков.

...Я углублялся в лес, как погружался в память. Сперва лес обступал меня выбегавшими на дорогу деревьями, потом окружал плотнее и плотнее.

Постепенно сужалось ущелье Аулие-тас, ущелье священного камня. По правую руку рос невысокий березняк. Многочисленные березки напоминали кустарник. По левую руку желтели каменистые склоны, начинались сосны.

На пути возвышался громадный рыжеватый камень тридцатиметровой высоты. Одна вертикальная грань камня-скалы выглядела плоской, оточенной, вышлифованной тысячелетиями. Другие грани горизонтально врезались в камень, образуя пещеру сложными геометрическими срезами. А вокруг заросли таволги, шиповника, вокруг сосны, словно стоящие на страже каменной крепости в лесу. Вокруг камни поменьше, причудливых форм и рисунков — на желтом фоне черная роспись.

Почему это дерево у камня увешано ленточками, тряпицами, просверленными монетами?

Значит, это священное дерево?

Но разве не можем и мы, материалисты, понять наших предков, их наивное и нежное поклонение природе, дающей нам радость, оберегающей наш покой. Поклонение, дошедшее до наших дней из глубины веков.

...Еще несколько тенистых сосновых и осиновых километров, еще несколько уголков лесостепного разноцветья — белого, желтого, лилового, пахнущего полынью и хвоей — и нас встречает урочище Казымбет, названное так в память знаменитого бия прошлого. Снова гигантские камни. Иные похожи на абстрактные скульптуры, иные на каменных чудищ.

И если даже у нас, сыновей двадцатого века, свыкшихся с космической реальностью, при виде таких невероятных фантастических нагромождений учащенно бьются сердца, то как же воспринимал этот странный мир аульный мальчуган нелегкой судьбы?

Тогда, в детстве, еще не осознанно, он полюбил родную землю — ее плодородные степи, ее озера, ее леса, ее горные ущелья и вершины. И поэтому в годы своей болезни в стихах «О себе» Касым смог сказать:

**Ведь морщины на моем челе,
Как вершины на моей земле.
(Перевод Б. Слуцкого)**

Конечно, поэзия не знает географических границ.

Касыма Аманжолова считают своим поэтом и в Уральске, где прошло несколько его молодых лет, и в Усть-Каменогорске, где, кажется, он никогда не был.

В отчие края, в Каркаралинск, он возвратился, принадлежащим всему казахскому народу, всем любящим поэзию.

Так благодарим долгую речку Кызыл, одинокие скалы урочища Ак-кора, степь Сарыарка и лес Каркаралы. Здесь истоки стихов Касыма.